

Фёдор Буслаев

**Исторические очерки по русскому
орнаменту в рукописях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.03
ББК 85
Б92

Б92 **Буслаев Ф.И.**
Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях / Фёдор Буслаев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 222 с.

ISBN 978-5-458-24087-1

Значение орнамента лицевых рукописей Ф.И. Буслаев угадал в свое время с обычною своею научною проницательностью. Он выделил в древней русской письменности ту замечательную группу памятников, идущую от второй половины XIII столетия до начала XV в., которая, под условным названием «звериного стиля», касается, по его словам, всего вопроса о самой сущности древнерусского искусства. Он открывает в этом периоде исторические результаты предшествующего развития древнерусского орнамента, связь его с курганными древностями, историческою этнографией, словесностью, орнаментикой Сузdalской архитектуры домонгольского периода и точные указания родственных связей русской древности с южными славянами и Византией.

ISBN 978-5-458-24087-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

I. Русское искусство въ оценки французского ученаго. — L'Art russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir. Par Viollet le Duc. 261 pp. Paris. V-e. A. Morel et C°. 1877. — L'Art russe. Par le R. P. J. Martinov de la Compagnie de Jésus (Extrait de la Revue de l'Art chrétien, II-e Série, tome IX). 66 pp. Arras. Imprimerie de la Société du Pas-de-Calais. 1878. — Русское искусство Е. Виолле-ле-Дюкъ и архитектура иль Россіи отъ X-го по XVIII-й вѣкъ. 24 стр., съ 16 таблицами рисунковъ. Грава С. Г. Строганова. С.-Петербургъ. Типографія Императорской Академіи Наукъ. 1878.	1
«Критическое Обозрѣніе» 1879 г., №№ 2 и 5.	
II. Славянский и восточный орнаментъ по рукописямъ древности и новаго времени. Собрать и изслѣдоватъ Владимиръ Стасовъ. Издано съ Высочайшаго соизволенія Императора Александра II. Выпукъ первый. С.-Пб. 1884.	75
«Журн. Мин. Народн. Просв.» 1884 г., № 5, стр. 54—104.	
III. Новости русской литературы по церковному искусству и археологии.	144
«Современная Лѣтопись» 1863 г., № 9.	
IV. Образцы письма и украшений изъ Псалтыри съ возстановленіемъ по рукописи XV в., хранящейся въ Библиотекѣ Троицкой Сергиевской Лавры подъ № 308 (481).	158
Издание Общества Любителей Древней Письменности, LII—LXXIV, Спб. 1881 г.	
Оглавление рисунковъ	211
Указатель рукописей.	215

I.

РУССКОЕ ИСКУССТВО

ВЪ ОЦѢНКѢ ФРАНЦУЗСКАГО УЧЕНАГО.

L'Art russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir. Par Viollet le Duc.
261 pp. Paris. V-e, A. Morel et Co. 1877.

L'Art russe. Par le R. P. J. Martinov de la Compagnie de Jésus (Extrait de la Revue de l'Art chrétien, II-e série, tome IX). 66 pp. Arras. Imprimerie de la Société du Pas-de-Calais. 1878.

Русское искусство Е. Виолле-ле-Дюкъ и архитектура въ Россіи отъ X-го по XVIII-й вѣкъ.
24 стр., съ 16 таблицами рисунковъ. Графа С. Г. Строганова. С.-Петербургъ. Типографія
Императорской Академіи Наукъ. 1878¹⁾.

Статья первая.

Знаменитому французскому архитектору пришла на умъ счастливая мысль написать книгу о русскомъ искусствѣ, именно — объ архитектурѣ, иконописи и орнаментикѣ. Немногихъ материаловъ, какими могъ по этому предмету располагать Виолле-ле-Дюкъ, оказалось совершенно достаточно, чтобы усмотреть въ нихъ сущность и стиль русского искусства, его происхожденіе, составные элементы и высшую точку его развитія, сверхъ того, прозрѣть въ его будущность и начертать самые пути, по коимъ оно должно существовать. Книга имѣла невѣроятный успѣхъ и во Франціи, и у насъ. Какъ все выходящее изъ ряда вонъ, производила и не перестаетъ еще производить она самыя противоположныя дѣйствія. Ее превозносятъ и порицаютъ, ставятъ на пьедесталь, какъ откровеніе истины, и топчутъ въ грязь, какъ легкомысленный памфлетъ, ее встрѣчаютъ съ симпатіями и сарказмами, по ней учатся, и надъ нею издѣваются и смѣются.

1) Имя автора, не указанное на книгѣ, было обнародовано во французской ученой литературѣ.

Авторъ задался отважною мыслью открыть настоящее национальное русское искусство, и своимъ открытиемъ этой новой, доселѣ невѣдомой области изящаго дѣйствительно изумилъ не только французовъ, которые вообще мало знаютъ наше отечество, но и русскихъ, для которыхъ, надобно сказать правду, русское искусство — дѣло темное, спорное, мало известное, а для большинства — и вовсе не имѣющее ни значенія, ни интереса. Такимъ образомъ, самыя обстоятельства воодушевляли къ изслѣдованіямъ и поискамъ, внушали рѣшимость, придавали смѣлости и отваги. Надобно было панести ударъ, чтобы пробить кору невѣжества и равнодушія, подъ которою таилось искомое зерно открытія.

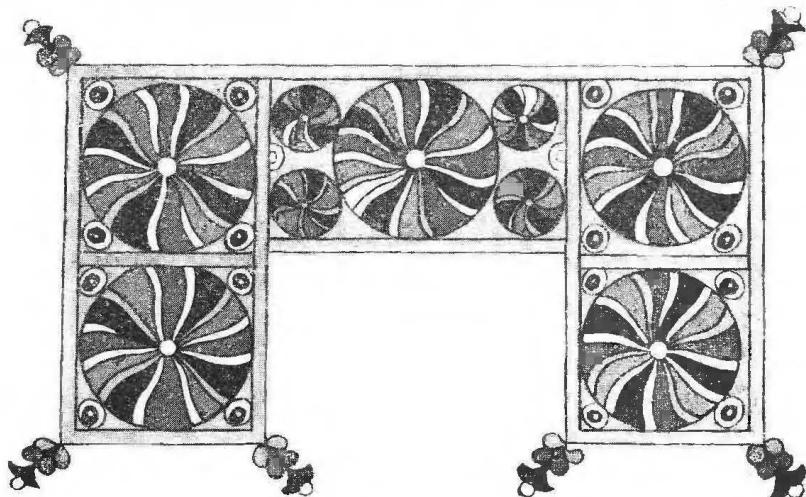
Какимъ же образомъ могло быть совершено такое капитальное открытие человѣкомъ, который мало знаетъ Россію и ея исторію и который имѣть подъ руками самые скучные материалы и пособія по вопросу, какой онъ взялся решить?

Вещи познаются изъ сравненія. Это общее мѣсто получило въ настоящее время новый смыслъ, когда въ наукѣ водворилось господство сравнительного метода. Чтобы опредѣлить национальность въ русскомъ искусствѣ, надобно было решить, чѣмъ отличается оно отъ искусства другихъ народностей Запада и Востока. Віолле-ле-Дюкъ своими образцовыми, настольными руководствами по архитектурѣ, мѣбели, орнаментикѣ снискалъ всеобщую известность и уваженіе. Онъ отличный знатокъ художественныхъ стилей, не только готического, романскаго, византійскаго, но и восточныхъ, — въ Сиріи, Грузіи и Армении, въ Персіи, Египтѣ, Ассиріи, Индіи, Китаѣ; что же касается до искусства французскаго, то онъ — решительно авторитетъ. Это одинъ изъ самыхъ даровитыхъ мастеровъ своего дѣла, который съ практическою дѣятельностью соединяетъ обширныя познанія и тонкій вкусъ. Онъ изощрилъ проницательный взглядъ свой многолѣтнею опытностью и разносторонними наблюденіями. Стоитъ только взглянуть ему на художественное изданіе, чтобы опредѣлить его стиль и эпоху. Полагаясь на свои знанія и проницательность, онъ смѣло решаетъ вопросъ въ стиляхъ сложныхъ, каковы византійскій и романскій. И въ томъ и другомъ есть значительная примѣсь элементовъ восточныхъ, сверхъ того, въ романскомъ во всей очевидности выступаетъ элементъ византійскій. Потому во всякомъ изданіи русскомъ, будь оно византійскаго или романскаго происхожденія, можно усмотретьъ стиль азіатскій — иранскій, ассирийскій, даже индійскій и туранскій. Такимъ образомъ, остротою и отважности французскаго архитектора русское искусство предоставляло самое широкое поприще; а именно:

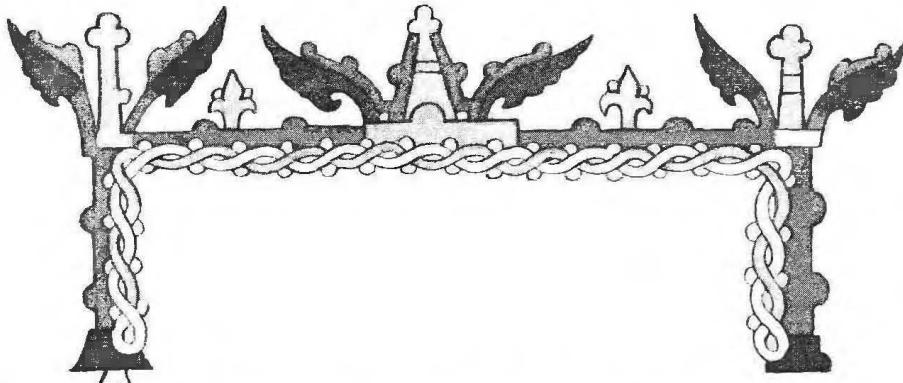
На 1-ой табл. при стр. 33 приложены у него (рис. 1 и 2) два снимка съ византійскихъ заставокъ X вѣка; ту и другую онъ характеризуетъ сти-

лемъ славянскимъ, не смотря на то, что первая—изъ рукописи, принадлежавшей нѣкогда патріарху константинопольскому Іеремію. Необыкновенно смѣлая, но вмѣстѣ съ тѣмъ счастливая мысль, хотя бы въ данномъ случаѣ была и неумѣстна. Болгары въ X вѣкѣ, въ блистательную эпоху царя Симеона, особенно могли осложнить своимъ вліяніемъ разноплеменную, сборную національность Византіи и внести пѣкоторые элементы въ стиль ея искусства. Читатель отмѣчаетъ 33-ю стр. въ книгѣ французского архитектора и ищетъ

далынѣйшихъ подкрѣпленій и болѣе яснаго и точнаго развитія этой счастливой мысли, но—попрасно: авторъ вовсе забылъ свою счастливую мысль; что же касается до болгаръ или сербовъ, то, какъ кажется, ему и въ голову не приходила мысль о значеніи этихъ славянъ въ исторіи письменности и

1. Заставка изъ греч. рукоп. Бесѣдъ І. Златоустаго, принадлежавшей Іеремію, патр. константинопольскому, X в. (Моск. Синод. Библ. № 128).

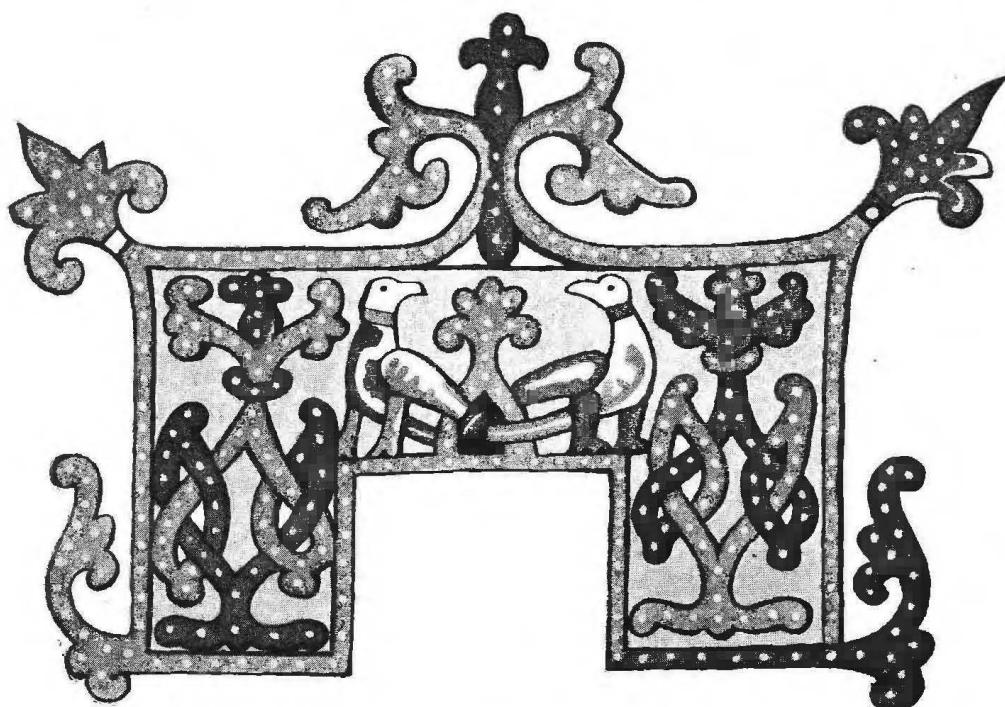

2. Заставка изъ Словъ Григорія Богослова X—XI в. (Моск. Синод. Библ. № 64).

литературы древней Руси; потому нигдѣ въ книгѣ даже не упоминается о нихъ. Надо полагать, что подъ славянскимъ авторъ разумѣеть только *русское*. Иначе никакъ нельзя бы было себѣ объяснить, почему обѣ эти византійскія заставки X вѣка названы у него не византійскими, а *русскими*. Но

тогда новое недоразумѣніе. Русская письменность не восходить древиѣ ХІ вѣка. Не слишкомъ ли ужъ смѣло со стороны французскаго ученаго отыскивать русскія заставки въ рукописяхъ Х вѣка?

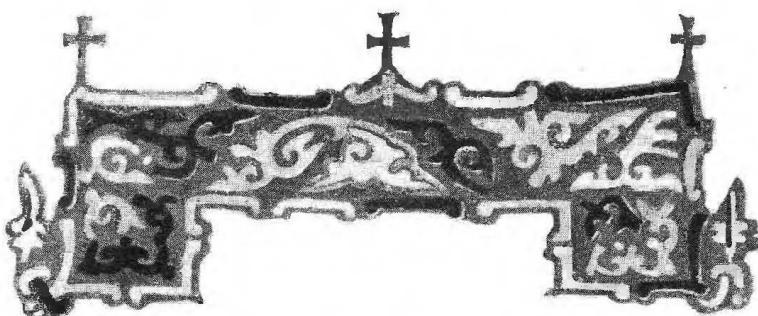
На стр. 55, по поводу двухъ заставокъ изъ Евангелія, приписываемаго ХІІІ вѣку, въ Московскому Архангельскому соборѣ — табл. V — читаемъ слѣдующее: «1-й орнаментъ (рис. 3), какъ по формѣ, такъ и по гармонии тоновъ, напоминаетъ искусство не византійское, персидское или арабское, а искусство, принадлежащее желтымъ расамъ центральной Азіи. 2-й ора-

3. Заставка изъ Евангелія XII—XIII в. Моск. Арханг. собора.

ментъ (рис. 4) сохранилъ нѣкоторые слѣды искусства персидскаго, но онъ турецкій по соединенію тоновъ». Наблюденіе это обобщается слѣдующею мыслью: «въ русскихъ рукописяхъ до XV вѣка, то есть, до паденія Восточной имперіи, можно усмотреть слѣдующее: съ одной стороны, вліяніе византійское чистое, или скорѣе работу мастеровъ византійскихъ; за тѣмъ, въ произведеніяхъ собственно русскихъ — это византійское вліяніе, замѣчательно усложненное элементомъ славянскимъ, азіатскимъ и примѣсью турецкою, и притомъ въ пропорціяхъ самыхъ различныхъ». Рукопись Архангельского собора дѣйствительно явленіе очень замѣчательное. Сначала замѣчу, что по прописнымъ буквамъ она носить на себѣ очень ранній характеръ, не только начала ХІІІ вѣка, но даже и ХІІ. По буквамъ заглавнымъ представляеть грубое, неумѣлое воспроизведеніе буквъ Евангелія Остромирова 1056 —

1057 г. и Мстиславова 1125 — 1132 г., что между прочимъ явствуетъ изъ начертанія буквъ В и Р: весь верхній овалъ буквы В и овалъ буквы Р напоминается изображеніемъ человѣческаго лица; оно очень красиво и довольно патурально въ Евангеліи Остромировомъ, уже менѣе изящно въ Мстиславовомъ и, наконецъ, очень дурно въ рукописи Архангельскаго собора, однако все же не такъ безобразно, какъ приведено въ V таблицѣ у Віолле-ле-Дюка, по *Исторіи русскаго орнамента* г. Бутовскаго. Въ этомъ изданіи неудовлетворительно были избраны образчики орнаментовъ изъ рукописи Архангельскаго собора, особенно въ буквахъ, которыя посять па себѣ явственный отпечатокъ византійско-болгарского происхожденія, какъ это

4. Заставка изъ Евангелия XII—XIII в. Моск. Арханг. собора.

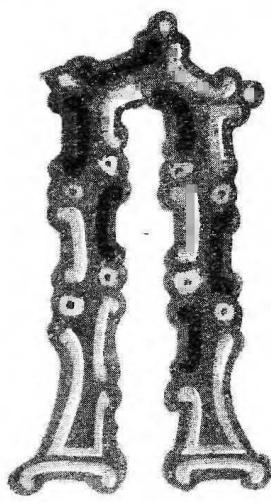
можно видѣть въ самой рукописи па листахъ: 15, 15 об., 21, 51, 57 об., 88 (рис. 5), 91, 93 об., 122, 170 об., 187 об., 242, 247 об., 253 об. (рис. 6). Кромѣ упомянутыхъ лицъ, буквы эти состоять изъ византійскихъ орнаментовъ, каковы: цветы, листы и вѣточки, перевитые ремни, колонны съ перемычками и коленщиками или съ узломъ изъ ремней по серединѣ, византійский крестъ (рис. 7) въ нижнемъ овалѣ буквы В, или (рис. 8) звѣрь съ длиннымъ хвостомъ и т. п. Что касается до характеристической примѣты человѣческихъ лицъ, то она господствуетъ и въ рукописяхъ южно-славянскихъ древнѣйшей эпохи. Буквы съ этой орнаментомъ можно видѣть въ болгарскомъ Евангелии XII вѣка, изъ библіотеки профессора Григоровича, поступившемъ въ Московскій Публичный Музей; напр., па лист. 66 и 99 об. буквы В и Р (рис. 9); обѣ писаны киноварью, какъ и ироція заглавныя буквы, а въ верхніхъ овалахъ обѣихъ буквъ изображено лицо: глаза, носъ, ротъ — череплами, а па щекахъ ударено киноварью; со лба по обѣ стороны спускаются завитки, тоже киноварью, будто кудри волосъ на головѣ.

Такова исторія орнамента въ Евангеліи Архангельскаго собора XII — XIII в. Черезъ Остромирово Евангелие отъ восходитъ къ болгарскимъ оригинакамъ; а такъ какъ Віолле-ле-Дюкъ усматриваетъ — какъ уже замѣ-

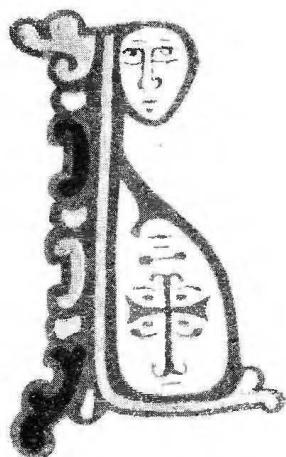
чено — славянское въ орнаментѣ византійскомъ, то какъ же надобно понимать этихъ азіатскихъ славянъ, турецвъ и людей желтаго племени, коихъ онъ призываетъ для совокупнаго воспроизведенія орнаментовъ нашей русской рукописи? Кто эти *азіатскіе* славяне? Гдѣ наложили они свою руку на

5. Р.

6. И. Н.

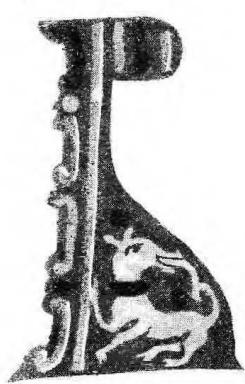

7. В.

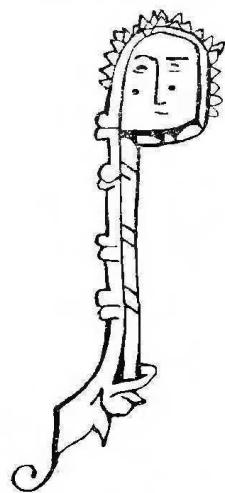
5 — 7. Изъ Евангелія XII — XIII в. Моск. Арханг. собора.

украшенія Архангельского Евангелія, въ Россіи или Греції? Были это русские или болгары? Даже въ тѣхъ заставкахъ, которыя приведены у

Віолле-ле-Дюка, стиль византійскій замѣтенъ; въ другихъ заставкахъ, не вошедшихъ въ издапіе г. Бутовскаго, напр., въ рукописи на листахъ 43 об., 106 об., 184 об., стиль этотъ еще очевиднѣе; но онъ аляповато замазанъ писцомъ, который, вместо того, чтобы воспроизвести его тонкими очерками и пѣкными красками по золоту, мазалъ широкою кистью, щедро макая ее во

8. В.—Изъ Евангелія XII—
XIII в. Моск. Арханг. собора.

9. Р.—Изъ болг. Евангелія
Григоровича (Моск. Рум.
Муз. № 1690).

всѣ краски, какія только были у него подъ рукою — это именно: въ красную, желтую, зеленую и синюю. Оттого тѣ же рисунки, что въ Остромировомъ

Евангелии или въ болгарскомъ Григоровича, получають у него, на бѣглый взглядъ, совершенно другой характеръ.

Итакъ, остается уступить на долю желтой расы въ нашемъ Евангелии только—какъ выражается вѣжливо Віолле-ле-Дюкъ—*гармонію тоновъ*: мы—русскіе—свои люди съ писцомъ этой рукописи; потому не обидимъ его памяти, болѣе дорогой для насть, нежели для французскаго архитектора, если эту вѣжливую фразу переведемъ *невозрачною панкатурею*, происшедшою отъ неумѣлости и недостатка въ матеріалѣ для раскраски; потому что мы знаемъ и другія русскія рукописи, и древнѣйшіи этой, и ей современныи, съ заглавными буквами и орнаментами, такою же широкою кистью раскрашенными, однако, благодаря болѣе тонкимъ очеркамъ, не потерявшиими своего византійскаго облика. Таково, напримѣръ, Туровское Евангелие, приписанное къ XI вѣку (изданное въ facsimile Віленскимъ учебнымъ окружомъ), Іоаннъ Лѣствичникъ XII вѣка, въ Румянцевскомъ музѣѣ № 198, изъ котораго приведены орнаменты и буквы на XXIII таблицѣ въ изданиіи г. Бутовскаго, но, къ сожалѣнію, не отличены нумераціею отъ буквъ и орнамента Добрилова Евангелия, помѣщенныхъ тамъ же.

Въ пользу французскаго ученаго можетъ быть приведена слѣдующая мысль, на которую надо бѣнко обратить особенное вниманіе.

Неумѣлость или грубость въ воспроизведеніи чужаго оригинала не есть только личныя качества мастера, но и результатъ привычки, плодъ воспитанія, коему подвергался глазъ въ извѣстной обстановкѣ. Въ данномъ случаѣ, неумѣлость и грубость писца рукописи Архангельского собора могли быть воспитаны на почвѣ турапцевъ и людей желтой расы. Потому его орнаментъ и сталъ будто бы настоящимъ русскимъ. Съ этой цѣлью, можетъ быть, онъ и приводится въ знаменитой книгѣ.

Въ старину, когда все грубое, гадкое и вообще непріятное называли готическими, когда восхищались бездарными подѣлками исевдо-классической литературы, а грубую народную поэзію презирали, какъ принадлежность подлой черни, тогда, конечно, грубость или варварство въ художественномъ стилѣ не могли быть понимаемы такъ, какъ они разумѣются теперь. Грубость народной поэзіи оказалась теперь не въ примѣръ изящнѣе большинства произведений такъ называемыхъ образцовыхъ писателей, а терминъ *gothique*, которымъ когда-то ругались, теперь характеризуетъ произведенія одного изъ самыхъ лучшихъ художественныхъ стилей.

Грубость народной поэзіи живучая, какъ самъ народъ, который ею пользуется; она столько же повсемѣстна въ странѣ, какъ и народъ, занимающій страну. Но не такова грубость и неумѣлость писца сказанной рукописи. Это явленіе чисто случайное, исключительное. Перелистуйте всѣ русскіе ора-

менты отъ XI до XV вѣка въ изданіи г. Бутовскаго: всѣ они самыи рѣзкимъ образомъ отличаются по «гармоніи тоновъ» отъ этой рукописи. Слѣдовательно, это вовсе не та дорогая для народа грубость и неумѣлость, съ которою онъ, какъ съ своимъ природнымъ свойствомъ, никогда и нигдѣ не разстается. Онъ ее не зналъ, этой невзрачной начатки, ни прежде, въ XI вѣкѣ, ии послѣ, въ послѣдующихъ за тѣмъ столѣтіяхъ; онъ пріучалъ свой глазъ къ совершенію иному сочетанію красокъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ, которое болѣе соотвѣтствовало его вкусу и навыку.

Прежде чѣмъ приступлю къ разсмотрѣнію рукописныхъ орнаментовъ этихъ послѣднихъ столѣтій, надобно сказать два слова объ орнаментахъ скультурныхъ или прилѣпахъ суздальской архитектуры XII вѣка. На основаніи изслѣдований графа С. Г. Строганова¹⁾ и графа А. С. Уварова²⁾, составилось въ нашей ученої литературѣ господствующее мнѣніе, что эти суздальские орнаменты носятъ на себѣ отпечатокъ *романскоаго стиля*, благодаря участію иностраннѣхъ, именно, немецкихъ мастеровъ, которыхъ тогда вызывали клязья для сооруженія каменныхъ храмовъ. Къ этому предмету я еще буду имѣть случай воротиться потомъ, а теперь только замѣчу, что французский архитекторъ, потому ли, что вовсе не знаетъ литературы по вопросу о суздальскомъ орнаментѣ, или же не паходитъ нужнымъ удостоить ее своего вниманія, въ разрѣзъ устававшему мнѣнію, рѣшительно утверждаетъ, что орнаменты Дмитріевскаго собора во Владимѣре носятъ на себѣ самый явственный характеръ азіатскій (стр. 64), въ доказательство чему приводить изъ нихъ между прочимъ одинъ листокъ, въ которомъ видятъ средство съ какимъ-то бронзовымъ индійскимъ фрагментомъ брагманической эпохи XIV столѣтія, находящимся въ коллекціи самого автора. Въ эту эпоху — утверждаетъ онъ — Индія и Персія формулируютъ элементы русской архитектуры, равно какъ и ея орнаментациі (стр. 66).

Объ архитектурѣ будешь рѣчь впереди; теперь же буду продолжать объ орнаментѣ. Опять одинаково господствуетъ и въ архитектурѣ, и въ мелкихъ издѣліяхъ утвари и одѣжды, и особенно въ украшеніи заглавныхъ буквъ и заставокъ въ рукописяхъ, и во всѣхъ этихъ отрасляхъ искусства и ремесла опредѣляетъ ихъ общий стиль и эпоху. Преимущественно обращу вниманіе на рукописи, какъ потому, что это у насъ въ Россіи самый богатый и разнообразный матеріалъ для исторіи орнамента, такъ и особенно потому, что, благодаря точности въ определеніи места и времени происхожденія рукописей, можно съ большою определенностью и ясностью прослѣдить мѣст-

1) *Дмитріевскій соборъ во Владимѣре на Клязьми*. Москва. 1849.

2) *Взглядъ на архитектуру XII века въ суздальскомъ княжествѣ*, въ 1-мъ томѣ Трудовъ Перваго археологическаго съѣзда. Москва. 1871.

ное и историческое развитие этой художественной формы. Заглавная буква, съ художественнымъ украшениемъ, стоитъ крѣпко при текстѣ, составляя его нераздѣльную часть, сопутствуетъ его происхожденію и исторіи. Сверхъ того, орнаментъ въ буквѣ, соединяя въ одно цѣлое грамотность съ художественнымъ стилемъ, вводить настъ пѣкоторымъ образомъ въ міръ художественныхъ представлений писца и его старинныхъ читателей, даетъ понятіе о пхъ вкусахъ, воспитываемыхъ написаніемъ или чтеніемъ рукописи. На Западѣ рукопись не имѣеть такого первенствующаго значенія въ исторіи художества, какъ у насъ, потому что роскошное разнообразіе въ произведеніяхъ прочихъ искусствъ отодвигало тамъ скромную работу писца на второй планъ. Потому же археологи русскіе съ болѣшимъ вниманіемъ относятся къ украшеніямъ своихъ рукописей, нежели западные. Доказательствомъ служитъ самъ Віолле-ле-Дюкъ. Хотя главнымъ материаломъ для его книги было изданіе «Исторіи русскаго орнамента» г. Бутовскаго, по греческимъ и русскимъ рукописямъ, однако онъ далеко не умѣлъ этимъ материаломъ воспользоваться, какъ это видно изъ того, что, постоянно приводя изъ этого изданія заставки, онъ плохо обратилъ вниманіе на русскія заглавныя буквы, которыми значительно восполняется художественное содержаніе орнамента и въ болѣшей точности опредѣляется стиль самой заставки, какъ это было уже мною показано на Евангелии Архангельского собора XII—XIII вѣка.

Слѣдующія мои замѣчанія я направляю къ тому заключенію, что если бы знаменитый авторъ словарей французской архитектуры и мебели разсмотрѣть съ надлежащимъ вниманіемъ отношенія русскаго орнамента въ рукописяхъ къ византійскому и романскому, то пришелъ бы къ инымъ результатамъ въ опредѣленіи русскаго искусства.

Кому случалось перелистывать русскія рукописи, отъ второй половины XIII столѣтія до начала XV-го, тотъ, конечно, не могъ не обратить своего вниманія на замѣчательную выдержанность общаго имъ всѣмъ одинакового характера въ стилѣ изукрашенныхъ заглавныхъ буквъ и заставокъ. Это — затѣйливое сплетеніе ремней и вѣтокъ съ разными фантастическими животными, съ птицами, у которыхъ иногда человѣческія головы, съ звѣрями, хвостъ которыхъ извивается вѣткою, оканчивающеюся листкомъ, особенно съ драконами и змѣями, которые изъ своей пасти выпускаютъ вѣтку, а своимъ хвостомъ перевиваютъ звѣрей и другихъ чудовищъ, пако пецъ, съ человѣческими фигурами, руки и ноги которыхъ вплетены въ эти перевивы изъ ремней и змѣиныхъ хоботовъ. Существенною характеристикою стиля оказывается здѣсь нарушеніе или искаженіе и разложеніе естественныхъ формъ природы животной и растительной, при самомъ подчиненіи ихъ цѣлой группѣ, связанной извитіями, которая то насильственно разсѣкаютъ эти формы, то